

**«ОЧЕНЬ ВАЖНО ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ВСЕЙ ЭВОЛЮЦИИ
ЖИВОТНОГО МИРА...» ОРГАНИЗАЦИЯ МОНГОЛЬСКОЙ
ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ
И. А. ЕФРЕМОВА**

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЮСУПОВА *

В статье представлена история проведения первой российской Монгольской палеонтологической экспедиции, которую возглавил И. А. Ефремов. Дается объяснение, почему российские палеонтологи смогли начать свою работу в Монголии только в 1946 г., а не значительно раньше, после успехов американской экспедиции Р. Ч. Эндрюса в середине 1920-х гг. Показано взаимодействие Академии наук СССР с монгольским Комитетом наук по организации экспедиции, выбору маршрута, который и определил ее выдающиеся результаты. Подробно рассмотрены все этапы прохождения документов по подготовке экспедиции на государственном и академическом уровне, отражающие место АН СССР в советской государственной системе и зависимость реализации научных проектов от социально-политической обстановки в стране и контроля государства за ее международной деятельностью во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: И. А. Ефремов, А. А. Борисьяк, палеонтологические исследования, организация Монгольской экспедиции, Комитет наук Монголии, Академия наук СССР, Президиум АН СССР.

* Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5. E-mail: ti-yusupova@mail.ru.

Статья написана по материалам доклада, сделанного автором на Международной конференции «Палеонтология Центральной Азии и сопредельных регионов», проходившей в ПИН РАН в ноябре 2014 г. Автор выражает искреннюю благодарность академику А. Ю. Розанову и директору ПИН РАН члену-корреспонденту РАН С. В. Рожнову за приглашение принять участие в этой конференции, что стало поводом обратиться к истории организации Монгольской палеонтологической экспедиции И. А. Ефремова, а также за помощь и консультации при подготовке доклада. Автор признательна А. И. Ефремову за непродолжительное, но очень плодотворное общение и ценные сведения о И. А. Ефремове, а также д. и. н. В. С. Соболеву за конструктивные замечания по содержанию статьи.

**“THIS IS VERY IMPORTANT FOR UNDERSTANDING THE
EVOLUTION OF THE ENTIRE ANIMAL WORLD...”
THE ORGANIZATION OF I. A. EFREMOV’S MONGOLIAN
PALEONTOLOGICAL EXPEDITION**

TATYANA IVANOVNA YUSUPOVA [□]

Sensational discoveries of dinosaur fossils in Mongolia by the American expedition led by Roy Chapman Andrews in the 1920s prompted Soviet plans to organize a paleontological expedition to the area. The article describes the process of its preparation and why the expedition, led by I. A. Efremov, could not depart earlier than 1946. The Soviet Academy of Sciences coordinated its plans with the Mongolian Scientific Committee, which helped to choose the path and locations that would prove crucial for the expedition’s success. The Academy also had to ensure approval from the Soviet government for an international expedition, which was not trivial in the tense political situation of the late 1940s and illustrates the intricacies of state control over the international activities of Soviet scientists.

Keywords: I. A. Efremov, A. A. Borisiak. paleontological expeditions, Mongolian Scientific Committee, USSR Academy of Sciences.

**Здесь, в Гоби, как нигде чувствуешь, насколько
насыщена Земля памятью своего прошлого.**

И. А. Ефремов ¹

В 2016 г. исполняется 70 лет со дня начала работы первой российской палеонтологической экспедиции в Монголии. Имя ее руководителя – Ивана Антоновича Ефремова (1907–1972) – хорошо известно не только среди ученых. Его книги, написанные в жанре научной фантастики, вот уже более 50 лет пользуются неизменным интересом у широкого круга читателей. Среди литературного наследия Ефремова несколько особняком стоит книга «Дорога ветров». Ее жанр сам Ефремов определил как «заметки путешественника, знакомящие с областью Центральной Азии, а также с некоторыми достижениями палеонтологической науки». Написанная живым, ярким языком, она подробно рассказывает о работе возглавляемой им Монгольской палеонтологической экспедиции в 1946–1949 гг., ее трудностях и радостях, людях, которые в сложных природных условиях самоотверженно выполняли поставленные задачи, о научных достижениях экспедиции – выдающихся находках ископаемых животных в Монголии, которые сейчас являются гордостью российской палеонтологической науки.

В данной статье нам хотелось бы рассказать о том, что осталось за рамками этого повествования, что предшествовало научному открытию: об организации экспедиции, о том, каким сложным и долгим был процесс подготовки к ней, сколько усилий понадобилось для ее осуществления. Этот сюжет также дает возможность вспомнить уже несколько подзабытые особенности организации советской науки, роль и место Академии наук в структуре государства, формы и методы контроля за ее деятельностью в послевоенные годы и, при желании, сравнить их с сегодняшним днем.

[□] St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences. Universitetskaya nab., 5, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: ti-yusupova@mail.ru.

¹ Ефремов И. А. Дорога ветров (гобийские заметки). 2-е изд. М.: Географиз, 1962. С. 368.

В поисках «костей драконов»²

Исходный центр их [древних животных] расселения лежит где-нибудь посередине, вероятнее всего, – на территории современных пустынь Центральной Азии.

Г. Ф. Осборн (1900)³

Прежде чем говорить об экспедиции Ефремова, напомним некоторые события из истории палеонтологического изучения Монголии, чтобы понять, почему российские палеонтологи начали работать в этой стране только в 1946 г., а не в середине 1920-х гг., когда стало известно о сенсационных находках мезокайнозойских млекопитающих, сделанных на ее территории экспедицией Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса (1884–1960). Американская экспедиция работала на территории Монголии в 1922–1925 гг. Она обнаружила здесь обширное распространение неизвестных ранее меловых отложений и собрала большую коллекцию остатков ископаемых млекопитающих, пресмыкающихся и других животных, частью неизвестных до тех пор науке. Особенно ценными находками стали найденные кладки яиц динозавров рода *Protoceratops* с сохранившимися в них зародышами. Своими результатами экспедиция подтвердила гипотезу директора музея, одного из авторитетнейших американских геологов и палеонтологов Г. Ф. Осборна (1857–1935) об Азиатском континенте как родине многих видов млекопитающих нашей планеты, которую он высказал на рубеже веков.

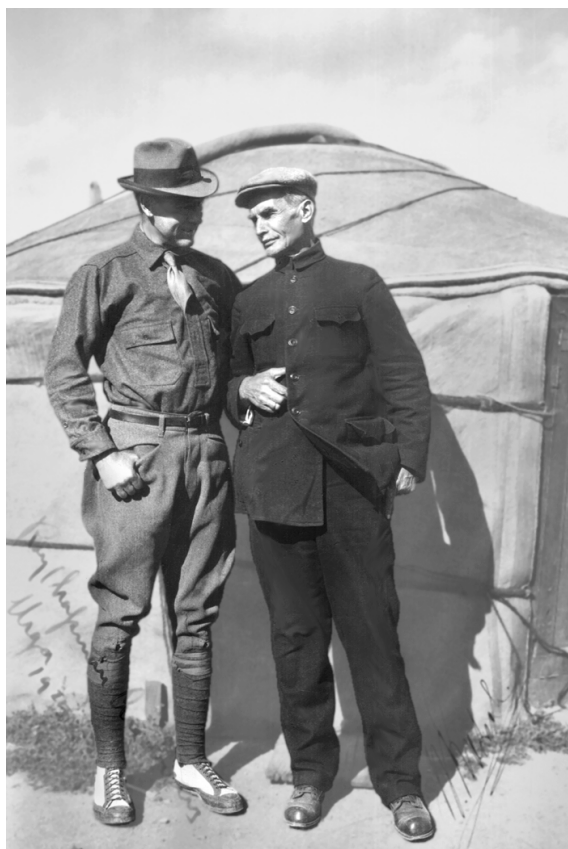
Следует отметить, что одним из первых геологическое изучение Монголии начал В. А. Обручев. В 1892–1894 гг. он совершил большое путешествие по Центральной Азии в составе экспедиции известного исследователя этого региона Г. Н. Потанина. В одной из впадин пустыни Гоби (Кульджин-Гоби) по пути из Урги (название столицы Монголии до ноября 1924 г.) в Калган он нашел осколки челюсти третичного носорога (бронтоотерия), которые стали первой зарегистрированной окаменелостью из Монголии. Кроме костей ископаемых животных Обручев привез из своего путешествия коллекцию девонской и каменноугольной фауны. Ее описание он поместил в качестве приложения к отчету о своем путешествии⁴. Информация о находке челюсти древнего носорога была ранее опубликована в «Известиях РГО»⁵. Материалы Обручева и

² Монголы называли окаменелые кости ископаемых животных *лууны яс* – «кости дракона», полагая, что они принадлежали драконам, живущим на небесах (Ефремов. Дорога ветров... С. 8).

³ Цит. по: Эндрюс Р. Ч. По следам первобытного человека. Экспедиция в Центральную Азию. Л.: П. П. Сойкин, 1927. С. 5. См. также: Osborn, H. F. The Geological and Faunal Relations of Europe and America During the Tertiary Period and the Theory of the Successive Invasions of an African Fauna // Science. 1900. Vol. 11. No. 276. P. 561–574.

⁴ Обручев В. А. Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии, совершенном по поручению ИРГО в 1892–1894 гг. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1900. Т. 1. С. 613–615. Дополнения. Предварительное определение ископаемых животных и растений.

⁵ Обручев В. А. Краткий геологический очерк караванного пути от Кяхты до Калгана // Известия ИРГО. 1893. Т. 29. С. 398. Эндрюс также упоминает о находке Обручева: Andrews, R. Ch. The New Conquest of Central Asia. N. Y.: The American Museum of Natural History in New York, 1932. P. 194–195.

П. К. Козлов (справа) и Р. Ч. Эндрюс.
Урга, Монголия, сентябрь 1924 г.
(Архив Музея П. К. Козлова)

изучение находок третичных млекопитающих в Казахстане, сделанные позднее российскими исследователями, позволили А. А. Борисяку (1872–1944), тогда заведующему палеонтологическим отделом Геологического комитета, в 1915 г. высказать предположение, аналогичное гипотезе Осборна, о том, что территория Центральной Азии, и прежде всего Монголии, является хранилищем палеонтологических сокровищ⁶. Первая мировая война, революция, последовавшие затем политические и социальные преобразования и трудное экономическое положение в стране не позволили российским исследователям проверить эту гипотезу. В то же время Эндрюс при поддержке американских финансистов организовал одну из крупнейших наземных экспедиций, прекрасно оснащенную и экипированную, которая в 1922 г. начала свои работы на территории Монголии⁷.

Находки американской экспедиции вызвали большой интерес в Ученом

комитете Монголии и желание продолжить своими силами палеонтологические исследования. Поскольку в недавно созданном монгольском научном учреждении для организации таких работ специалистов еще не было, его ученый секретарь Ц. Ж. Жамцарано (1881–1942)⁸ в октябре 1924 г. обратился с просьбой к неперемемному секретарю Российской академии наук С. Ф. Ольденбургу (1863–1934) командировать в Улан-Батор палеонтолога, который бы руководил и контролировал работы «не совсем специализированных» монгольских исследователей⁹. В сентябре 1926 г. он еще раз написал, что Комитету наук требуется «серьезный, спокойный геолог-палеонтолог для постоян-

⁶ Рожнов С. В., Розанов А. Ю., Барсболд Р. Палеонтологические исследования в Монголии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова) / Отв. ред. К. В. Чистяков, ред.-сост. Т. И. Юсупова, ред. Т. Ю. Гнатюк. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 46; Ефремов И. А. Палеонтологические исследования в МНР (предварительные результаты экспедиций 1946, 1948 и 1949 гг.) // Сборник работ по палеонтологии МНР / Отв. ред. В. И. Громов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 3–4.

⁷ Andrews. The New Conquest of Central Asia...; Gallenkamp, Ch. Dragon Hunter. Roy Chapman Andrews and the Central Asiatic Expeditions. N. Y.: Viking Penguin, 2001.

⁸ О нем см.: Юсупова Т. И. Ц. Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии // ВИАТ. 2011. № 4. С. 189–202.

⁹ Письмо Ц. Ж. Жамцарано к С. Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.

ной работы»¹⁰. Однако Ольденбург не смог помочь своему ученику и коллеге: в Академии наук на тот момент не нашлось ученого, желающего поехать на длительный срок в Улан-Батор, где условия работы были значительно хуже, чем в российских академических учреждениях.

Несмотря на отсутствие своих геологов, Комитет наук продолжал собирать информацию о местонахождении остатков ископаемой фауны, привлекая к этой работе приезжающих в Монголию российских исследователей. Одним из первых такую информацию представил геолог Дальневосточного университета Б. С. Домбровский, который в первой половине 1920-х гг. проводил исследования в Центральной и Восточной Монголии. Интересные палеонтологические находки были сделаны также экспедициями сотрудника Геологического музея Академии наук И. П. Рачковского (1878–1961) и других российских геологов, которые работали в Монголии в конце 1920-х – 1930-х гг.

В 1931 г. по просьбе Комитета наук сотрудник экономической экспедиции, организованной Монгольской комиссией АН, географ Б. М. Чудинов вместе с аспирантом Комитета наук Д. Юмцуновым прошел в меридиональном направлении от озера Хубсугул до южной части Южго-Гобийского аймака. На этом пути, «пользуясь указаниями местного населения», в Ширэгин-Гашунской впадине они обнаружили место с большим количеством остатков ископаемых животных. Чудинов взял несколько образцов и представил подробный отчет о поездке в Комитет наук и в Академию наук¹¹.

Этими сведениями заинтересовался полпред СССР в Монголии А. Я. Охтин (1891–1938). Он предложил Рачковскому, который в этот момент находился в Улан-Баторе, финансирование для изучения найденных залежей ископаемых остатков в Ширэгин-Гашуне. Такие работы после успеха Эндрюса были весьма актуальны в политико-идеологическом соперничестве СССР с капиталистическими странами. Однако Рачковский, занятый выполнением своих научных задач, не смог найти время для подобной работы.

Проверить данные о Ширэгине-Гашуне удалось в 1935 г. сотруднику Комитета наук Монголии, заведующему кабинетом географии А. Д. Симукову (1902–1942)¹². В своем отчете он подтвердил достоверность информации Чудинова о большом количестве остатков костей древних животных и привел

¹⁰ Письмо Ц. Ж. Жамцарано к С. Ф. Ольденбургу, 12 сентября 1926 г. // Монголо-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улан-Батор: Адмон, 2012. С. 161.

¹¹ Симуков А. Д. Остатки ископаемой фауны в Ширэгин-Гашунской впадине // Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии. Осака: Государственный музей этнологии, 2007. Т. 1. С. 837.

¹² Андрей Дмитриевич Симуков (1902–1942) – географ, участник Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. под руководством П. К. Козлова. После ее окончания по приглашению руководства Ученого комитета остался работать в Монголии. Внес большой вклад в изучение Монголии, в деятельность Ученого комитета. Автор первого «Географического атласа МНР». Арестован в Улан-Баторе в сентябре 1939 г., приговорен к восьми годам лагерей. Умер 15 апреля 1942 г. В Монголии вклад Симукова в развитие монгольской науки помнят и ценят. Благодаря инициативе его дочери Н. А. Симуковой, поддержанной монгольскими учеными и общественными деятелями, а также отделом монголоведения Музея этнологии в г. Осака (Япония), в 2007–2008 гг. была издана антология его трудов: Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии. В 3 т. Осака: Государственный музей этнологии, 2007–2008.

расспросные сведения о других местонахождениях ископаемой фауны в этом районе Гобийского Алтая¹³. После ареста Симукова в 1939 г. поиски новых местонахождений в Комитете наук не проводились.

Необходимое приложение к геологическим исследованиям

Учитывая общую обстановку в Монголии, считаю посылку туда экспедиций Академии наук нецелесообразной.

*В. И. Межславук (1935)*¹⁴

Первая попытка организации российских палеонтологических исследований в Монголии была предпринята в 1929 г. Академик Борисяк предложил включить в план Монгольской комиссии АН, которая занималась организацией работы советских ученых в Монголии, две палеонтологические экспедиции: «в область Оши, к югу от Кобдо, где геологом Рачковским открыто местонахождение верхнетретичной фауны млекопитающих» и «в область Центральной Монголии, на главнейшие из открытых американцами местонахождений динозавров и млекопитающих». В своем обосновании он писал: «Местонахождения позвоночных Центральной Азии, представляющие большой общий научный интерес, для нас имеют особенно важное значение, так как они поясняют и дополняют наши [на территории СССР] местонахождения»¹⁵. В план Монгольской комиссии на 1930–1934 гг. была включена только одна из предложенных экспедиций (в Западную Монголию) и то в качестве «необходимого приложения к геологическим исследованиям для изучения континентальных отложений, без изучения которых невозможно выяснить геологическую историю»¹⁶. Однако и эту экспедицию осуществить не удалось. Начиная с 1930 г. Монгольская комиссия должна была подстраивать свою деятельность под «запросы практической жизни» и реализовывать только те работы, которые были важны для развертывающегося хозяйственного строительства Монголии. Неявно выраженная практическая значимость палеонтологических исследований отодвигала их на более «благоприятное время», т. е. на неопределенный срок.

В 1930 г. по инициативе Борисяка в системе Академии наук был организован Палеозоологический институт (в 1936 г. был реорганизован в Палеонтологический институт), который он и возглавил. Борисяк развернул широкое изучение ископаемых позвоночных на территории СССР. Замысел проведения больших азиатских экспедиций впервые возник в Палеонтологическом институте в 1932 г. после исследования динозавровых местонахождений Средней Азии. На следующий год уже обсуждались проекты двух экспеди-

¹³ Симуков А. Д. Остатки ископаемой фауны в Ширэгин-Гашунской впадине // Симуков. Труды о Монголии и для Монголии... Т. 1. С. 837–850.

¹⁴ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 176.

¹⁵ Записка А. А. Борисяка, 18 ноября 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 4. Л. 1.

¹⁶ План Монгольской комиссии на 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 1.

ций в Центральную Азию: Джунгарской в район Урумчи и Монгольской по местам работ Нью-Йоркского музея естественной истории¹⁷. Еще через год заявку в Монгольскую комиссию на организацию палеонтологической экспедиции подал И. А. Ефремов. Поводом для этой инициативы как раз стала информация Чудинова об обнаруженном им в 1931 г. богатом местонахождении ископаемых костей в Ширэгин-Гашуне. Однако осуществить планы вновь не удалось и уже не из-за «практической незначимости» палеонтологии: в 1932–1934 г. в Монголии вспыхнули народные восстания против проводимой коллективизации и борьбы с ламством, на подавление которых были даже посланы войска¹⁸, а в 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) признало нецелесообразным посылать академические экспедиции в соседнюю страну, «учитывая общую обстановку в Монголии» в связи с активизацией японских милитаристов на монгольско-маньчжурской границе¹⁹.

Здесь будет уместным вспомнить о неудавшихся попытках организовать новые американские палеонтологические экспедиции в Центральную Азию. Так, в 1933 г. Эндрюс предложил осуществить совместную советско-американскую экспедицию в Русский Туркестан и Иран. По этому поводу он приезжал в Ленинград и Москву, общался с Борисяком и заместителем наркома иностранных дел Л. М. Караханом²⁰. Хотя финансирование новых исследований практически полностью брал на себя американский ученый, его инициатива не получила поддержки. Причины отказа Эндрюсу со стороны советских директивных органов нам выяснить не удалось. Полагаем, что они были связаны с геополитическими интересами СССР в этом регионе, вследствие чего присутствие там иностранных исследователей было совершенно нежелательно.

В 1934 г. экспедицию в Монголию планировал еще один уже тогда известный американский ученый, впоследствии ставший одним из самых авторитетных палеонтологов, Дж. Г. Симпсон (1902–1984). Чтобы получить разрешение на ее проведение, он в 1934 г. также приезжал в Москву. Но ему, как и Эндрюсу, не удалось получить поддержку ни советских, ни монгольских властей. Симпсон был уверен, что монгольское посольство не выдало ему визу под давлением Москвы²¹.

¹⁷ Чудинов П. К. Иван Антонович Ефремов. М.: Наука, 1987. С. 37.

¹⁸ Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. С. 258–265.

¹⁹ Заседание Политбюро 17 июня 1935 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... С. 176.

²⁰ Gallenkamp. Dragon Hunter... P. 287–288.

²¹ Simpson, G. G. Concession to Improbable. An Unconventional Autobiography. New Haven; London: Yale University Press, 1978. P. 76–80.

«В порядке постановки вопроса...»

Ряд широких научных проблем может быть решен палеонтологическими исследованиями в Монголии.

И. Е. Ефимов, Ю. А. Орлов (1941) ²²

В 1940 г. после ряда мероприятий по организационному укреплению Комитета наук (так с 1930 г. стал называться Ученый комитет), которому способствовала стабилизация внутри- и внешнеполитического положения Монголии, его возглавил молодой дипломат Б. Жаргалсайхан (1915–2005). Помогал ему в руководстве монгольской наукой советский советник Н. Н. Поздняков. Накопленная к этому времени в Комитете наук важная информация, дополняющая и значительно расширяющая данные экспедиции Эндрюса о местонахождениях ископаемой фауны в Монголии, стала для него поводом обратиться в октябре 1940 г. к директору Палеонтологического института АН СССР Борисяку с предложением организовать палеонтологическую экспедицию в Монголию. «Залежи ископаемых костей в Монголии, — писал Поздняков, — являются самыми богатыми и обширными в мире. В части нахождения и изучения их тронута только поверхность, можно работать десятки, сотни лет и все же не исчерпать всего богатства залежей». Необходимо отметить, что в постскрипте он указал, что обращается с этой просьбой пока только «в порядке постановки вопроса». Однако в случае положительного ответа выразил готовность сразу же «поставить этот вопрос перед монгольскими организациями» ²³.

В ответном письме Борисяк приветствовал инициативу Комитета наук, которая вписывалась в исследовательские планы института, и выразил готовность незамедлительно приступить к формированию экспедиции при условии выделения институту необходимого финансирования. Для положительного решения этого трудного вопроса Борисяк предложил Комитету наук одновременно обратиться в СНК СССР и Академию наук с просьбой выделить специальные средства для организации палеонтологических исследований в Монголии ²⁴. Он полагал, что в случае непосредственного обращения Комитета наук в правительство СССР шансов получить одобрение экспедиции будет больше. Со своей стороны институт также обещал предпринять все необходимые шаги.

Однако Жаргалсайхан по каким-то своим соображениям воздержался «войти с прошением в СНК СССР», но пообещал всяческую поддержку со стороны Комитета наук ²⁵. Как опытный администратор Борисяк 25 января 1941 г. переправил письмо Жаргалсайхана на рассмотрение в Президиум АН СССР, чтобы академическое руководство само сообщило в Монголию свое

²² Ефремов И. А., Орлов Ю. А. Докладная записка // Международные связи Академии наук СССР 1917–1941 / Сост. Ю. А. Панцырев. М.: Наука, 1992. С. 221–222.

²³ Письмо Н. Н. Позднякова к А. А. Борисяку, 12 октября 1940 г. // Архив РАН (АРАН). Ф. 2. Оп. 1а–1941. Д. 154. Л. 1.

²⁴ Письмо А. А. Борисяка в Комитет наук, 18 ноября 1940 г. // АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 2 об.

²⁵ Письмо Б. Жаргалсайхана к А. А. Борисяку, 3 января 1941 г. // Там же. Л. 3.

решение об организации палеонтологической экспедиции. При этом он подтвердил готовность института начать ее подготовку, как только будет решен вопрос ее финансирования. Специфические условия работы в Монголии, удаленность и пустынность районов, писал директор ПИН, «создают необходимость организации хорошо снаряженной и поэтому требующей значительных ассигнований экспедиции»²⁶. В связи с этим без выделения денежных средств обсуждать ее организацию не имело смысла.

Целесообразность проведения палеонтологических работ в Монголии подтвердил и вице-президент Академии О. Ю. Шмидт, к которому в итоге попало письмо Борисяка. Ему даже удалось достаточно быстро переговорить по этому вопросу с заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским – первой инстанцией в цепочке согласований для получения разрешения на научную деятельность за пределами СССР²⁷.

Получив одобрение своей инициативы, ПИН начал подготовку предварительного плана и сметы предстоящих работ, и 4 марта 1941 г. в Президиум АН была представлена «Докладная записка об организации раскопочных палеонтологических работ на территории МНР», написанная заведующими отделами высших и низших позвоночных Ю. А. Орловым (1893–1966) и И. А. Ефремовым – предполагаемыми руководителями экспедиции. В «Записке» они указали, что работы американских исследователей носили, в основном, маршрутный характер, но еще более ценные результаты могут быть получены «при систематических и крупных раскопочных работах». Организация исследований в Монголии силами Палеонтологического института, несомненно, по мнению авторов, может «внести многое в изучение этой интереснейшей территории»²⁸.

Через полтора месяца, 20 апреля 1941 г., когда были представлены уточненные смета, список оборудования и штатное расписание экспедиции, Президиум АН обратился в Совнарком СССР с просьбой разрешить организовать палеонтологическую экспедицию в 1941 г. и дать указание Наркомфину СССР об отпуске необходимых средств (около 120 000 руб.)²⁹. Экспедиция планировалась на пять месяцев в составе восьми человек, в том числе начальника экспедиции Орлова и его заместителя Ефремова. В письме для усиления международной значимости этой работы подчеркивалось, что проведение палеонтологических исследований начинается по просьбе Комитета наук МНР, который неоднократно обращался с этим предложением к ПИН АН СССР.

Несколько позднее, в мае 1941 г., в письме в Бюро Отделения биологических наук АН были более подробно расписаны основные задачи и планируемый маршрут. Предполагалось в первый полевой сезон организовать «сравнительно легкую экспедицию», которая на автомашинах объездит, осмотрит и

²⁶ Письмо А. А. Борисяка в Президиум АН, 25 января 1941 г. // Там же. Л. 4.

²⁷ Заметки на письме // Там же.

²⁸ Международные связи Академии наук СССР 1917–1941 / Сост. Ю. А. Панцырев. М.: Наука, 1992. С. 221–222.

²⁹ Письмо Президиума АН в СНК СССР, 20 апреля 1941 г. // АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

изучит известные монгольские местонахождения и в наиболее важных из них произведет пробные раскопки. Весь добытый палеонтологический материал будет доставлен в Москву, в ПИН. Здесь он должен быть препарирован, изучен и описан. После этого оригиналы передадут в экспозицию Палеонтологического музея Академии наук, а «дубликаты и гипсовые слепки с оригиналов, раскрашенные под подлинники», — Комитету наук МНР, «для которого Палеонтологический институт организует в Улан-Баторе палеонтологическую выставку»³⁰. Подробно прописанный маршрут, который должен был пройти прежде всего по Средней, Восточной и частично Южной Гоби³¹, предполагалось уточнить после консультаций с Комитетом наук и знакомством с новыми данными, собранными в Монголии.

В ожидании ответа из правительства ПИН приступил к снаряжению экспедиции. Особое беспокойство у руководства института вызывали сроки получения загранпаспортов. В случае затягивания их оформления начало работ экспедиции отложилось бы на осень, что сократило бы время полевых работ и сделало невозможным выполнение намеченных задач. По этому поводу Борисьяк обратился в Президиум АН «об ускоренном исхлопотании таковых» для личного состава Монгольской палеонтологической экспедиции»³². Однако по существовавшему в СССР жесткому порядку вопрос с паспортами мог быть решен только после получения распоряжения Совнаркома об организации экспедиции.

Рассмотрение в правительстве вопроса о Палеонтологической экспедиции затягивалось. Борисьяк, обсудив складывающуюся ситуацию с Орловым и Ефремовым, 14 мая направил руководству Академии наук просьбу перенести работы в Монголии на следующий год³³. Но, как оказалось, днем раньше, 13 мая 1941 г., СНК СССР своим распоряжением поручил Президиуму АН СССР срочно обсудить программу намеченной в 1941 г. палеонтологической экспедиции и представить свое решение правительству. Складывается впечатление, что в процессе хождения документов по административным коридорам часть из них «потерялась», и поэтому правительство просило Академию наук еще раз подтвердить актуальность планируемой экспедиции.

Заседание президиума, где было повторно принято решение «возбудить ходатайство перед СНК СССР о посылке в текущем году в Монгольскую Народную Республику палеонтологического отряда в количестве 8 человек под руководством Палеонтологического института АН СССР» состоялось 21 мая 1941 г. Одновременно бюджетной комиссии Президиума АН СССР было поручено изыскать на работы соответствующее финансирование (но уже не более 75 000 руб.!)³⁴. На следующий день, 22 мая 1941 г., этот документ вместе с программой экспедиции Президиум АН направил заместителю председателя

³⁰ Письмо в Бюро ОБН АН, май 1941 г. // Там же. Л. 33.

³¹ Программа экспедиции // Там же. Л. 40–43.

³² Письмо А. А. Борисьяка, 12 мая 1941 г. На письме стоит пометка «Вопрос решается в СНК» // Там же. Л. 36.

³³ Письмо А. А. Борисьяка, 14 мая 1941 г. // Там же. Л. 35–36.

³⁴ Протокол заседания Президиума // АРАН. Ф. 2. Оп. 1а–1941. Д. 154. Л. 38.

правительства Р. С. Землячке для дальнейшего утверждения³⁵. Ровно через месяц началась Великая Отечественная война, и все экспедиционные планы были отложены.

«Собирается новая экспедиция, еще в бóльшем масштабе...»³⁶

Печально, что, видимо, всю эту историю придется повторить.

И. А. Ефремов (1947)³⁷

Вернулись к вопросу организации палеонтологической экспедиции в Монголию в феврале 1945 г., уже после смерти Борисяка. Практически сразу после возвращения из эвакуации сотрудников и возобновления работы Палеонтологического института заместитель директора Т. Г. Сарычева вновь направила в Президиум АН на имя В. Л. Комарова (1869–1945) «на основе предварительных переговоров с работниками МНР» докладную записку Орлова и Ефремова о проведения в Монголии палеонтологических исследований, составленную в 1941 г., с небольшими изменениями³⁸. Только через полтора месяца последовала реакция: 22 марта 1945 г. Комаров переадресовал письмо академику-секретарю Академии наук Н. Г. Бруевичу (1896–1987) с не совсем понятной резолюцией: «На заметку».

Так и не получив ответа на официальное послание президенту Академии наук, Орлов и Ефремов при поддержке Л. А. Орбели (1882–1958) в апреле 1945 г. направили еще одно, уже личное письмо Комарову. Обращаясь к нему «как к всегдашнему попечителю и защитнику интересов советской палеонтологии и одновременно как к главе Монгольской комиссии»³⁹, ученые просили его ходатайствовать перед Наркоминделом СССР о разрешении палеонтологических исследований на территории Монголии в 1945 г. Но опять быстрой реакции не последовало. Комаров в это время был уже тяжело болен. К тому же шли приготовления к широкому празднованию 220-летия Академии наук. Основные мероприятия юбилея прошли во второй половине июня 1945 г., а в начале июля Комаров вынужден был подать заявление об отставке с поста президента Академии наук по состоянию здоровья⁴⁰. Его преемником 17 июля 1945 г. был назначен С. И. Вавилов.

³⁵ Письмо О. Ю. Шмидта к Р. С. Землячке, 22 мая 1941 г. // АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 18. Л. 39.

³⁶ Письмо к А. П. Быстрову, 20 февраля 1947 г. // Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы / Отв. ред. П. К. Чудинов, сост. Н. В. Бойко. М.: Наука, 1994. С. 71. Письмо к А. П. Быстрову, 20 февраля 1947 г.

³⁷ Письмо к А. П. Быстрову, 20 февраля 1947 г. // Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными... С. 71.

³⁸ Письмо Т. Г. Сарычевой к В. Л. Комарову, 10 февраля 1945 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1945. Д. 406. Л. 1.

³⁹ Письмо Ю. А. Орлова и И. А. Ефремова к В. Л. Комарову, апрель 1945 г. // Там же. Л. 10.

⁴⁰ Савина Г. А. Опыт социальной истории в лицах: В. Л. Комаров – президент АН СССР // На переломе: отечественная наука в конце XIX–XX века. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 3. С. 165–205.

В начале октября 1945 г. ПИН получил ответ на февральское обращение Сарычевой к руководству Академии наук. Секретариат Президиума АН сообщал, что в июне 1945 г. вопрос о палеонтологической экспедиции в Монголию был перенесен на следующий год по указанию Комарова, тогда еще президента Академии наук ⁴¹.

Осенью 1945 г. Палеонтологический институт вновь, уже в лице нового директора Ю. А. Орлова, начал активно продвигать документы об организации экспедиции по всей академической и государственной административной цепочке. Прежде всего 27 октября 1945 г. было направлено письмо вице-президенту АН СССР Орбели с просьбой ходатайствовать перед СНК СССР о Монгольской палеонтологической экспедиции в 1946 г. ⁴² Президиум в свою очередь 10 января 1946 г. направил заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову просьбу разрешить экспедицию и дать указание Минфину о выделении необходимой суммы в 233 000 руб., так как «в плане финансирования Академии наук СССР на 1946 г. она не была предусмотрена» ⁴³. Секретариат Молотова весьма оперативно, 25 января 1946 г., переслал запрос о целесообразности Монгольской экспедиции в МИД и ЦК ВКП(б) с приложением пояснительных материалов, в том числе пояснительной записки Орлова и Ефремова ⁴⁴. Предварительный маршрут экспедиции остался тот же, что и в программе 1941 г., согласно которой основные работы предполагалось провести в Средней и Восточной Гоби.

Надо отметить, что Орлов и Ефремов всячески подчеркивали актуальность и значимость экспедиции, для чего использовали как научную аргументацию, так и более понятную властям идеологическую риторику. В частности, они указывали, что российские геологи и зоологи, работавшие в Монголии после американской экспедиции Эндрюса, открыли значительное число новых местонахождений остатков доисторических животных в разных геологических горизонтах. «Эти открытия неизмеримо увеличивают известный по предварительным данным американцев фонд местонахождений, исследование которых даст интереснейшие материалы и научные открытия мирового значения», — писали ученые, — а также ценнейшие экспонаты для музеев Академии наук и Монголии, которые будут представлять «памятник больших успехов нашей науки» ⁴⁵. Кроме того, они обратили внимание советских государственных чиновников на тот факт, что эта экспедиция и ее материалы «без сомнения, явятся определенным этапом организации палеонтологии в самой Монгольской республике» ⁴⁶.

Вопрос о направлении в Монголию в 1946 г. палеонтологической экспедиции Академии наук не вызвал возражений у НКВД и партийного руководства страны, и 16 февраля 1946 г. последовало распоряжение Совнаркома, на основании которого издал свое распоряжение и Президиум Академии наук.

⁴¹ Письмо из секретариата В. Л. Комарова к Т. Г. Сарычевой, 5 октября 1945 г. // АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 73. Л. 19.

⁴² Письмо Ю. А. Орлова, 27 октября 1945 г. // Там же. Л. 11.

⁴³ Письмо Президиума АН, 10 января 1946 г. // Там же. Л. 12.

⁴⁴ Запрос Наркомата СССР, 25 января 1946 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1945. Д. 406. Л. 1.

⁴⁵ Приложение к письму в Наркомат СССР // Там же. Л. 2–3.

⁴⁶ Там же. Л. 4.

Таким образом, проведение Монгольской палеонтологической экспедиции было одобрено на всех уровнях – и академическом, и правительственном, т. е. была подтверждена ее научная и государственная значимость.

Далее начались конкретные шаги по снаряжению экспедиции. И здесь, несмотря на распоряжение правительства, повторились типичные для советской административной системы проблемы – долгие бюрократические проволочки по получению разных разрешений и ведомственная несогласованность, усугубленные сложным экономическим положением в стране и отсутствием самых необходимых вещей. И вновь, как и в 1941 г., директор ПИН, на этот раз Орлов, был вынужден в начале апреля 1946 г. направить академику-секретарю Бруевичу докладную записку «О некоторых мероприятиях, необходимых для осуществления Монгольской палеонтологической экспедиции»⁴⁷. В записке он информировал президиум о целом ряде проблем со снаряжением, из-за которых выезд экспедиции в Монголию существенно задерживался. Главные претензии были к снабженческим отделам Академии наук (Отдел материальных фондов, Автоотдел и Техснаб). Орлов просил президиум срочно принять меры, чтобы не сорвать полевой сезон 1946 г. Речь шла о решении финансовых вопросов, обязательном для работы автотранспорте (три грузовика), спецодежде и походном снаряжении экспедиции. Директор ПИН полагал недопустимым, «чтобы экспедиция, отправляющаяся за пределы СССР, имеющая в своем составе крупных ученых и долженствующая представить в Монголии советскую науку, была снаряжена как попало и одета во что попало». Тем более в стране, «где бывали американские, шведские и др. экспедиции»⁴⁸.

И хотя Бруевич дал соответствующие указания по исполнению предложений Орлова, процесс подготовки особенно не ускорился. В связи с этим 5 июля 1946 г. Орлов как научный руководитель и Ефремов как начальник Монгольской экспедиции вновь обратились к академику-секретарю АН СССР. Они просили разрешить в связи с «чрезвычайной задержкой» сократить объем работ экспедиции в полевой сезон 1946 г., «чтобы в случае успешных научных открытий перенести часть ассигнований этого года на следующий, 1947 год»⁴⁹. Просьба руководителей экспедиции была удовлетворена, и планы скорректированы.

Закончить все приготовления и получить необходимые для работы документы Палеонтологическая экспедиция смогла лишь через месяц и в начале августа выехала в Монголию. В ее состав, кроме Орлова и Ефремова, вошли профессор Геологического института АН В. А. Громов – специалист по четвертичной геологии, заведующий Палеонтологическим музеем К. К. Флеров, зоолог А. А. Кирпичников, реставратор и опытный полевой исследователь Я. М. Эглон, препаратор М. Ф. Лукьянова, монгольский геолог Б. Лувсанданзан (впоследствии академик Академии наук МНР), переводчик, водители и монгольские рабочие.

⁴⁷ Докладная записка Ю. А. Орлова, 3 апреля 1946 г. // АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–4.

⁴⁸ Там же. Л. 3.

⁴⁹ Рапорт Н. Г. Бруевичу, 5 июля 1946 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1945. Д. 406. Л. 61.

«Мы не могли в первой экспедиции довольствоваться средними результатами»

Вряд ли скоро удастся организовать что-нибудь настоящее, как случайно получилось с нашей Монгольской экспедицией.

И. А. Ефремов (1951) ⁵⁰

Ефремов прибыл в Улан-Батор в начале августа 1946 г. Для уточнения маршрута экспедиции он внимательно изучил имеющуюся в Комитете наук информацию о местонахождении остатков древней фауны и палеонтологические находки. Особенно тщательно Ефремов проработал отчеты Чудинова и Симукова о поездке в вышеупомянутую Ширэгин-Гашунскую впадину в Южной Гоби ⁵¹. Их материалы заставили его изменить и значительно расширить территорию предстоящих исследований: Ефремов предпочел рискнуть, провести разведочно-ознакомительные работы не как планировалось, в более близкой и доступной Средней и Восточной Гоби, а в неизведанных районах Южной Гоби, где его ждали или провал, или исследовательская удача ⁵². «Мы не могли в первой экспедиции, – писал он в своей книге, – довольствоваться средними результатами» ⁵³, поскольку от них во многом зависела постановка палеонтологических исследований в Монголии в будущем.

Дальнейшие события хорошо известны по упомянутой книге Ефремова «Дорога ветров». За два месяца полевых работ (сентябрь – октябрь 1946 г.) в сложнейших климатических условиях, в отсутствие воды и дорог был проложен маршрут в 4700 км, преимущественно в Южной Гоби. Экспедиции сопутствовал крупный успех, который стал результатом действительно героической работы ее сотрудников, их самоотверженного труда, но прежде всего знания, организаторских способностей и умения взять на себя ответственность ее руководителя Ефремова. В ходе проведенных рекогносцировочных исследований были изучены уже известные местонахождения меловых динозавров Ширэгин-Гашун и Баин-Дзак (здесь в 1923 г. экспедиция Эндрюса обнаружила кладки яиц динозавров рода протоцератопс) и выявлены новые: в Южной Гоби – Нэмэгэту, Улан-Ош, Олгой Улан-Цав, Алтан-Ула; в Восточной Гоби – Баин-Ширэ, Хамарин-Хурал, Эргиль-Обо и другие ⁵⁴. Особенно знаменитым по богатству и уникальности палеонтологических находок стала котловина

⁵⁰ Письмо к В. А. Обручеву, 1 декабря 1951 г. // Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными... С. 122.

⁵¹ Ефремов. Дорога ветров... С. 78–83. Как уже говорилось, Симуков был репрессирован, и Ефремов в книге «Дорога ветров» не мог называть его имя. Он упоминает о нем как о «начальнике отряда Комитета наук». Симуков был реабилитирован в 1956 г., когда книга была уже написана. Ее первое издание увидело свет в 1958 г. (Ефимов И. А. Дорога ветров (гобийские заметки). М.: Трудрезервиздат, 1958).

⁵² Ефремов. Палеонтологические исследования в МНР... С. 6.

⁵³ Ефремов. Дорога ветров... С. 17.

⁵⁴ Подробно см.: Ефремов. Дорога ветров... 1962; Рождественский А. К. На поиски динозавров в Гоби. 3-е изд. М.: Наука, 1969.

Нэмэгэту. Именно здесь были сосредоточены основные работы экспедиции в 1948 и 1949 гг.⁵⁵

Первый отчет о результатах экспедиции был представлен в ноябре 1946 г. в Улан-Баторе на правительственных торжествах по случаю годовщины Октябрьской революции. Сотрудник экспедиции монгольский геолог Лувсанданзан зачитал на монгольском языке «Рапорт о проделанной экспедицией работе» премьер-министру МНР Х. Чойбалсану⁵⁶, а Ефремов сделал подробный доклад «о задачах, успехах и перспективах будущих работ»⁵⁷. Руководитель экспедиции подтвердил, что Монголия «является богатейшей кладовой древних животных», а их изучение не только позволит «приоткрыть завесу над историей развития животного мира» но и будет иметь «немаловажное значение для развития геологии в МНР»⁵⁸.

В соответствии с действующим в Монголии законом «Об охране памятников старины» перед отъездом из страны Ефремов и руководитель раскопочного отряда Эглон с советской стороны и председатель Комитета наук Б. Жаргалсайхан и ученый секретарь Б. Содном с монгольской 27 декабря 1946 г. составили акт, в котором определялось количество вывозимых экспедицией находок, указывалось, что из них будет возвращено Комитету наук после препарирования и научной обработки в Москве, и сроки их передачи в Монголию⁵⁹.

Практически весь 1947 г. ушел на разбор и изучение привезенного материала (около 70 тонн!), а также подготовку следующей экспедиции в Монголию, целью которой должны были стать трудоемкие работы по раскопке найденных местонахождений. Особенно острым был вопрос получения автотранспорта, который мог бы работать в условиях гобийского бездорожья и вывозить многотонные монолиты с костями динозавров⁶⁰. К сожалению, административные и бюрократические проволочки повторились. Распоряжение правительства об организации экспедиции в Монголию было получено только 24 июня 1947 г., что делало невозможным осуществить запланированные раскопочные работы в полевой сезон этого года. Ефремов, на котором лежала ответственность за результаты экспедиции, вынужден был 5 июля 1947 г. обратиться к президенту Академии наук С. И. Вавилову с просьбой перенести ее деятельность (а с ним и финансирование) на 1948 г. и принять ряд мер для ее успешной работы в следующем году. Вавилов поддержал его предложения и дал распоряжение президиуму способствовать их реализации⁶¹. Однако

⁵⁵ Нэмэгэту до сих пор является одним из богатейших в мире местонахождений остатков динозавров.

⁵⁶ Рапорт руководства МПЭ, 19 ноября 1946 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы / Отв. ред. Ф. И. Долгих, Г. Цэрэндорж. М.: Международные отношения; Улан-Батор: Улсын хэвлэлий газар, 1979. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. С. 139–140.

⁵⁷ Ефремов. Дорога ветров... С. 158.

⁵⁸ Рапорт руководства МПЭ, 19 ноября 1946 г....

⁵⁹ Акт, 27 декабря 1946 г. // АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 73. Л. 61.

⁶⁰ Российские палеонтологи брали кости ископаемых животных вместе с породой – монолитами, укрепляя их гипсом. Такой способ, хотя и трудоемкий, экономил время полевых исследований и улучшал сохранность костей.

⁶¹ Письмо И. А. Ефремова к С. И. Вавилову, 5 июля 1947 г. // Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными... С. 78–79, 246.

*И. А. Ефремов. Нэмэгэту,
Южная Монголия, 1948 г.
(из архива ПИН РАН)*

вновь руководству экспедиции пришлось приложить огромные усилия, чтобы преодолеть административные препоны и межведомственную несогласованность для выполнения намеченных уже на 1948–1949 гг. планов⁶². При этом Ефремову удалось сохранить главное: организационная суеда «не заволакивала туманом науку»⁶³, свидетельством чему явились выдающиеся результаты экспедиции.

За два полевых сезона 1948 и 1949 гг. были проведены огромные раскопочные работы в Нэмэгэту и в других местонахождениях по извлечению

остатков мезокайнозойских животных, очень важных для понимания всей эволюции животного мира. Среди найденных и вывезенных находок – два скелета крупных травоядных зауролофов, их черепа, блоки с отпечатками кожи этих динозавров, четыре скелета тарбозавров, части скелетов зауропод, огромных черепах, остатки крокодилов и рыб и многое другое. Местонахождение Нэмэгэту до сих пор продолжает радовать исследователей, являясь, возможно, самым богатым в мире по остаткам динозавров и других рептилий.

Кроме открытия богатейшего палеонтологического района в Нэмэгэтинской котловине, работы экспедиции внесли важный вклад в формирование новых представлений о палеографии и климате территории Монголии в меловой период, а также новые данные по геологии Монголии. Последнее имело важное значение для определения геологического возраста континентальных отложений, что было необходимо для геологического картирования и геологической разведки полезных ископаемых. Что касается Ефремова, то лично для него Монголия представляла большой исследовательский интерес – здесь можно было проверить ряд разрабатываемых им положений о закономерностях захоронения ископаемой фауны и их формирования. Одним из важнейших научных результатов работы Ефремова в Монголии стала его монография «Тафономия и геологическая летопись»⁶⁴, за которую в 1952 г. он получил Сталинскую премию.

Несмотря на крупные успехи Монгольской палеонтологической экспедиции, а также готовность Палеонтологического института продолжить исследования, а Комитета наук – сотрудничество с Академией наук в этом направлении, Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании 6 июня 1950 г. отклонило просьбу Президиума АН, поддержанную МИД СССР, о продолжении ее деятельности в 1950 г.⁶⁵ Это решение оказалось неожиданным для

⁶² См. напр.: Письмо И. А. Ефремова к Ю. А. Орлову, 14–15 марта 1948 г. // Там же. С. 88–92.

⁶³ Сергей Иванович Вавилов. Дневники, 1905–1951 / Сост. В. В. Вавилова, ред.-сост. Ю. И. Кривоносов, отв. ред. В. М. Орел. М.: Наука, 2012. С. 289.

⁶⁴ Ефремов И. А. Тафономия и геологическая летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Кн. 1. Захоронение наземных фаун в палеозое.

⁶⁵ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... С. 450.

ученых, поскольку распоряжение правительства от 24 июня 1947 г. разрешало проведение палеонтологических исследований в Монголии в 1947–1950 гг. В соответствии с этим документом для работы в 1950 г. Министерством финансов были выделены валютные средства, институтом закуплены необходимые материалы и снаряжение, получены автомашины, которые уже были отправлены в Монголию. Более того, Комиссия по выездам за границу ЦК ВКП(б) разрешила Министерству иностранных дел выдать членам экспедиции загранпаспорта, и семь сотрудников уже выехали в Монголию.

По подсчетам Ефремова произведенные расходы вместе с ликвидационными составляли 75 % всей сметы экспедиции⁶⁶. Но экономическая нецелесообразность остановки ее деятельности не изменила решение высшего партийного органа. Мы полагаем, что прекращение работы Монгольской палеонтологической экспедиции, наряду с одновременной остановкой исследований Историко-этнографической и Сельскохозяйственной экспедиций в Монголии, было связано с изменением доминанты советской внешнеполитической деятельности в центральноазиатском регионе, ее переориентации на преимущественно китайское направление. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенный в феврале 1950 г., предопределил также и основное направление международной деятельности Академии наук и других советских научных организаций на Востоке.

Продолжить российские палеонтологические исследования в Монголии стало возможным только в 1969 г., когда была образована совместная Советско-монгольская палеонтологическая экспедиция. Ее возглавил с российской стороны член-корреспондент Академии наук А. Г. Вологдин (1896–1971), с монгольской – будущий академик Монгольской академии наук Р. Барсболд. Научными консультантами экспедиции стали бывшие сотрудники экспедиции Ефремова: с советской стороны – К. К. Флеров, с монгольской – Б. Лувсанданзан. При формировании планов ее работ определяющее значение имели материалы первой Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством Ефремова. Палеонтологическое изучение российскими учеными Монголии продолжается и сегодня уже в рамках совместной Российско-монгольской палеонтологической экспедиции. Благодаря такому продолжительному научному сотрудничеству (47 лет!), у истоков которого была экспедиция Ефремова, Монголия является одним из самых изученных в палеонтологическом отношении регионов мира⁶⁷.

References

- Andrews, R. Ch. (1932) *The New Conquest of Central Asia*. New York: The American Museum of Natural History in New York.
- Andrews, R. Ch. (1927) *Po sledam pervobytnogo cheloveka. Ekspeditsiia v Tsentral'nuu Aziuu (On the Trail of Ancient Man)*. Leningrad: Izdatel'stvo P. P. Soikina.
- Chudinov, P. K. (1987) *Ivan Antonovich Efremov*. Moskva: Nauka.

⁶⁶ Письмо Ю. А. Орлова и И. А. Ефремова в Президиум АН, 9 июня 1950 г. // АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 124. Л. 14–15.

⁶⁷ Рожнов, Розанов, Барсболд. Палеонтологические исследования в Монголии... С. 64.

- Chudinov, P. K. and Boiko, N. V. (eds.) (1994) *Ivan Antonovich Efremov. Perepiska s uchenymi. Neizdannye raboty* (Ivan Antonovich Efremov. Correspondence with Scientists. Unpublished Articles). Moskva: Nauka.
- Chuluun, C. and Yusupova, T. (eds.) (2012) *Mongolo-rossiiskoe nauchnoe sotrudnichestvo: ot Uchenogo komiteta do Akademii nauk* (Mongolian-Russian Scientific Cooperation: From the Scientific Committee to the Academy of Sciences). Ulan-Bator: Admon.
- Dolgikh, F. I. and Tserendorzh, G. (1979). *Sovetsko-mongol'skie otnosheniia. 1921–1974. Dokumenty i materialy* (Soviet-Mongolian Relations. 1921–1974. Collection of Documents). Moskva and Ulan-Bator: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Efremov, I. A. (1950) *Tafonomiia i geologicheskaiia letopis'* (Taphonomy and Geological Chronology). Moskva and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Efremov, I. A. (1962) *Doroga vetrov (gobiiskie zametki)* (The Road of Winds (Gobi Notes). 2nd ed. Moskva: Geografiz.
- Efremov, I. A. (1954) Paleontologicheskie issledovaniia v MNR (predvaritel'nye rezul'taty ekspeditsii 1946, 1948 i 1949 gg.) (Paleontological Research in MPR (Preliminary Results of the Expeditions, 1946, 1948, 1949), in: *Sbornik rabot po paleontologii MNR* (A Collection of Papers on Paleontology of MPR). Moskva and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 3–32.
- Esakov, V. D. (ed.) (2000) *Akademiia nauk v resheniiakh Politbiuro TsK RKP(b) – VKP(b)* (The Academy of Sciences in the Decisions of the Politburo of the CC RCP(b) – AUCP(b). 1922–1952. Moskva: ROSSPEN.
- Gallenkamp, Ch. (2001) *Dragon Hunter. Roy Chapman Andrews and the Central Asiatic Expeditions*. New York: Viking Penguin.
- Obruchev, V. A. (1893) Kratkii geologicheskii ocherk karavannogo puti ot Kiakhty do Kalgana (A Brief Geological Outline of the Caravan Route from Kyakhta to Kalgan), *Izvestiia IRGO*, vol. 29, pp. 347–407.
- Obruchev, V. A. (1900) *Tsentral'naia Aziia, Severnyi Kitai i Nan'-Shan'. Otchet o puteshestvii, sovershennom po porucheniiu IRGO, 1892–1894* (Central Asia, Northern China and Nan-Shan. Report on the Journey, Committed on Behalf of the Russian Geographical Society, 1892–1894). Sankt-Peterburg: Tipografiia M. M. Stasyulevicha.
- Pantsyrev, Iu. A. (ed.) (1992) *Mezhdunarodnye sviazi Akademii nauk SSSR 1917–1941* (International Relations of the Academy of Sciences of the USSR, 1917–1941). Moskva: Nauka.
- Rozhdestvenskii, A. K. (1969) *Na poiski dinozavrov v Gobi* (In Searching of Dinosaurs in the Gobi). 3rd ed. Moskva: Nauka.
- Rozhnov, S. V., Rozanov, A. Iu. and Barsbold, R. (2014) Paleontologicheskie issledovaniia v Mongolii [Paleontological Research in Mongolia], in: Chistiakov, K. V., Yusupova, T. I. and Gnatiuk, T. Iu. *Rossiiskoe izuchenie Tsentral'noi Azii: istoricheskie i sovremennye aspekty (k 150-letiiu P. K. Kozlova)* (The Russian Exploration of Central Asia in Historical Perspective and Its Contemporary Aspects (to the 150th Anniversary of Petr K. Kozlov). Sankt-Peterburg: Politekhnik-servis.
- Roshin, S. K. (1999) *Politicheskaiia istoriia Mongolii (1921–1940 gg.)* (Political History of Mongolia). M.: IV RAN.
- Savina, G. A. (2005) Opyt social'noi istorii v litsakh: V. L. Komarov – prezident AN SSSR (An Attempt of Personalized Social History: V. L. Komarov – President of the Academy of Sciences of USSR), in: *Na perelome: Otechestvennaia nauka v kontse XIX–XX veka* (At the Turn: Russian Science in the Late 19th – 20th Centuries). Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, no. 3, pp. 165–205.
- Simpson, G. G. (1978) *Concession to Improbable. An Unconventional Autobiography*. New Haven and London: Yale University Press.
- Simukov, A. D. (2007). *Trudy o Mongolii i dlia Mongolii* (Works about Mongolia and for Mongolia). Osaka: Gosudarstvennyi muzei etnologii.
- Vavilova, V. V., Krivososov, Iu. I. and Orel, V. M. (eds.) (2012). *Sergei Ivanovich Vavilov. Dnevnik* (Diaries), 1905–1951. Moskva: Nauka.
- Yusupova, T. I. (2011) *C. Zh. Zhamtsarano – uchenyi sekretar' Uchenogo komiteta Mongolii* (Tsyben Zhamtsarano – Academic Secretary of the Mongolian Scientific Committee), *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 4, pp. 189–202.
- Yusupova, T. I. and Andreev, A. I. (eds.) (2003) *Kozlov, P. K. Dnevnik Mongolo-Tibetskoi ekspeditsii, 1923–1926* (The Diaries of the Mongolia-Tibeten Expedition). Sankt-Peterburg: Nauka.